

«Отец и сын». Роман Бастрыков — А. СЕМЕНОВ, Алевка Бастрыков — Антон ПАВЛОВ.

женского характера; об этом и спектакль по пьесе украинского драматурга М. Зарудного «Дороги, которые мы выбираем», подготовленный коллективом к 50-летию образования СССР.

«Отец и сын» — произведение сложное для сценической интерпретации. История становления первой коммуны на берегу далекого Васюгана летом 1921 года полна острых драматических коллизий, неожиданных поворотов сюжета, ее герои — люди сильные, дерзновенные, одержимые пафосом революционных дел, — первопроходцы. Даже смертью своей продолжают они прокладывать дорогу в будущее сыновьям и внукам.

Хочется отдать должное инсценировке П. Еремина, давшей хорошую драматургическую основу для спектакля большого эпического дыхания, овеянного героикой и романтикой тех удивительных, пламенных лет (режиссер М. Юфа, художник В. Нестеров). И в памяти зрителей надолго остаются высокая круча над Васюганом и четверо «братанов», всматри-

Доря (А. Михасик) возвращается с «повинной» к «братанам», — все это торжество бастрыковской правды.

Во многом близка спектаклю «Отец и сын» по царящей в ней атмосфере — грозовой и радостно-приподнятой в одно и то же время — постановка М. Юфы пьесы В. Катаева «Шел солдат с фронта».

Путь, который на наших глазах проходит Семен Котко, — от беспечной радости крестьянина, вернувшегося домой к мирной жизни после долгих лет войны, до осознанной необходимости солдата снова взяться за винтовку, чтобы отстоять свою, рабоче-крестьянскую Советскую власть, — это прежде всего путь морального и политического созревания человека и гражданина, каким играет Семена В. Говалло.

Когда в первое свое домашнее утро просыпается Семен на чистых простынях в собственной постели и встречается взглядом с нетерпеливо ждущей его пробуждения сестричкой Фроськой (Г. Стужева), то таким неподдельным счастьем вспыхивают его глаза, что начинает казаться, будто это от них, а не от солнечных лучей, щедро бьющих в окно, залита ярким золотистым светом сцена. У Семена — Говалло детский доверчивый, открытый взгляд, и весь он — большой, ласковый, добрый, как ребенок. Он искренне верит, что имеет право переждать под ивовым родником хаты грозные события

боясь громким звуком спугнуть торжественную тишину момента, запекает «Интернационал». Одна сцена, а сколько характеров открыла она нам! И могучего красавца матроса Царева, остающегося в душе прежним хлеборобом, тоже, наверное, мечтающим о земле, мире, семье, доме; и старого георгиевского кавалера деда Ивасенко, немощного, хилого, но все еще готового в бой за правое дело; и его внука Миколу Ивасенко (Л. Рудой), гордого тем, что, несмотря на мальчишеский возраст, уже назначен он писарем в сельсовет и посылкой может помогать Советской власти...

Но, пожалуй, самой большой актерской удачей этого спектакля наряду с Семеном — Говалло следует назвать Фроську — Стужеву. Совсем еще девочкой по возрасту, поведению, манерам, она уже умеет по-женски констатировать с Миколой, понимающе сочувствует невесте Семена Соне (Б. Чумичева), в минуту опасности бесстрашно смотрит в глаза врагам. Стремительная, звонкоголосая, любопытная и любознательная, она, подобно метеору, носится из конца в конец деревни, все замечает, обо всем сообщает, во все вступает. И только однажды Фроська затихает в благоговейном торжественном молчании — когда на сговоре Семена и Сони посадили ее, как полагаются по обряду, посередине хаты и дали в руки зажженную свечу и обнаженный клинок. И замерла Фроська с мечтательной счастливой улыбкой на лице, почти не дыша, рассеянным от волнения взглядом блуждая по лицам жениха, невесты, толпившихся вокруг любопытных соседей. И показалось, наверное, Фроське в тот миг, что ее, а не Сюю сговаривают сейчас замуж.

редь о женщинах-труженицах, матерях и женах, прекрасных, гордых, целомудренных. У каждой своя судьба, часто нелегкая, и у каждой свой талант, несущий радость людям. В этом спектакле остается в памяти каждый образ: от «председательши» Анны Петровны (З. Антонова), человека сильной воли и большого женского обаяния, и до деревенских кумушек Савельевны и Родионики (М. Щуко и Е. Фидельман), вездесущих, любопытных, а по сути своей очень добрых, отзывчивых, всегда готовых прийти на помощь тому, кто действительно нуждается в заботе, сочувствии, ласке.

Имя, которое я нарочно приберегла на самый конец разговора о театре, — М. Щуко. Каждый вечер в Москве, из спектакля в спектакль выходила она на сцену. Была она и матерью Семена Котко, хлопотливой, заботливой, ласковой, и матерью знатного украинского механизатора Павло Ремеза, ревниво поддерживающей громкую славу сына и словно бы купающей в ее ореоле («Дороги, которые мы выбираем»), была и васюганской коммунаркой Акулиной, горластой, не шибко сознательной, и кумушкой Савельевной, и отчаянно молодящейся бывшей провинциальной львицей Полиной Карповной Крицкой в «Обрыве», и весьма современной семидесятилетней дамой спортивного склада, получающей «пенсию» от трех мужей («Проснись и пой»), была она и госпожой министершей — смеш-

У карты театральной России

Наталья БАЛАШОВА

КРУЖЕВО ДУШЕВНЫХ НИТЕЙ

«Хата с краю». Анна Петровна — З. АНТОНОВА, Васена — Я. КУЗЬМЕНКО.

Л ЕТО — горячая пора для театров. А для тех, что удостоились чести побывать с творческим отчетом в Москве, — тем более. Если к тому же театр вообще впервые приезжает на гастроли в столицу, то и ответственность, и волнения, естественно, удвоятся.

Без малого за 125 лет своего существования (датой основания считается 1 ноября 1849 года) Вологодский драматический театр первый раз показывает свои спектакли москвичам.

Вологда — ровесница Москвы. Ее театральные традиции восходят к XVII веку. Вологжане — зрители благодарные, в их городе не существует проблемы пустого зала. Правда, театральное здание небольшое, и особенно мала сцена (по нынешним масштабам она выглядит почти игрушечной), но это не мешает вологодскому коллективу строить свой репертуар с позиций высокой идейной и художественной требовательности и всегда иметь на афише произведения, которые принято называть масштабными.

У Вологодского театра своя Лениниана, насчитывающая не менее десяти спектаклей; не сходит с репертуара русская классика, представляемая именами Гоголя и Островского, Гончарова и Тургенева, Чехова и Горького; театр стремится не пропустить ни одного происходящему значительного произведения современной драматургии. Но при этом вологжане не повторяют столичную афишу, а соизмеряют выбор каждой пьесы с возможностями театра.

Вот почему, наверное, гастрольный репертуар Вологодского театра оказался таким свежим: лишь одно название из семи — музыкальная комедия М. Дарфаша «Проснись и пой» — было уже знакомо москвичам по спектаклю Театра сатиры.

Среди работ театра, показанных в Москве, — спектакли-старожилы, как, например, инсценировка романа «Обрыв» И. Гончарова, осуществленная А. Шубиним двенадцать лет назад и до сих пор живущая на его сцене, постановки двух- и трехлетней давности, прошедшие свыше шестидесяти и семидесяти раз, а инсценировка романа Г. Маркова «Отец и сын» была премьерой театра, впервые показанной зрителям в Москве.

Есть своя закономерность в том, что, начав свой творческий отчет в столице народными сценами В. Катаева «Шел солдат с фронта», театр закончил его тоже многоплановым, исполненным пафоса революционной борьбы произведением Г. Маркова. Судьба человеческая, судьба народная стала определяющей темой гастрольных вологжан. Об этом и проникнутая удивительно чистой, лирической интонацией пьеса М. Сторожевой «Хата с краю» — дань величайшего уважения и восхищения целомудривым и цельностью русского

вающихся вдаль. Крепко обняв друг друга за плечи, будто чувствуют они, что здесь предстоит им стоять насмерть, грудью защищая свою коммуно «Дружба».

Принципиальной удачей спектакля явился образ коммунарского вожака, коммуниста Романа Бастрыкова, созданный А. Семеновым. Один из ведущих актеров театра, Семенов много занят в репертуаре, но, конечно же, самый яркий из созданных им характеров — Роман, могучая фигура, словно вырубленная из цельного куска гранита. Непоколебимо принципиальный, если чувствует за собой правду, способный на поступки решительные, смелые, Роман Семенов в делах сердечных, в личной жизни своей также целомудрен и чист, свято верен памяти погибшей жены. Зритель ощущает влияние Романа на окружающих: постепенное сплочение коммунаров, укрепление в них веры в свои силы, их духовное становление. И то, что дремучий Тереха Черемисин (его очень интересно, ярко играет В. Павлов) как настоящий боец революции отдает свою жизнь за коммуно; и то, что скандальная Акулина, тянущая мужа из коммуны (М. Щуко), как великую честь для себя принимает в финале обязанности коммунарской стряпухи; и то, что пьянужка

гражданской войны, и горькие слезы обиды наворачиваются на его глаза, когда товарищи отворачиваются от него, как от предателя. И тогда-то, от них, от этих горьких слез, пойдет отсчет нового жизненного пути солдата Семена Котко.

В этом спектакле очень много интересных актерских работ. Стоит вспомнить хотя бы одну сцену — подписание в сельсовете бумаги о разделе помещичьей земли. Для собравшихся здесь крестьян, а для председателя сельсовета тем более, — это акт величайшего политического значения. Председатель Ремениук (В. Павлов), изможденный, смертельно усталый, в круглых металлических очках и солдатских обмотках — то ли недоучившийся студент, то ли народный учитель из разночинцев, — прошедший, судя по всему, царские тюрьмы, каторгу, окопы войны, сейчас чувствует себя самым счастливым человеком на свете. Ведь это он, Ремениук, правом, данным ему Советской властью, вот сейчас, здесь, за этим дощатым столом, покрытым кумачовым полотнищем, сможет щедро одарить людей хлебом, сытостью, радостью труда на своей земле. И когда выдвинутые народом, тоже счастливые и взволнованные оказанным им доверием, вместе с ним подписывают акт матрос Царев (А. Сержин) и дед Ивасенко (К. Соколов), Ремениук — Павлов бережно берет в руки драгоценную бумагу, прижимает к груди, словно еще не веря в возможность такого великого чуда, и проникновенно, будто

Эпизодическая роль у невесты матроса Царева Любки. Гуляла, радовалась жизни Любка, любила с матросом. А его повесили бандиты. И сошла с ума Любка, рухнула со страшным криком на землю. Отлично играет И. Кузьменко этот трудный эпизод, мгновенно превращаясь из веселой, разбитой дивчины в страшное подобие человека с остановившимися взглядом, беспорядочными движениями, бессвязной речью...

Если одним словом определить основную особенность творческого лица театра, то, пожалуй, она может быть выражена понятием «скромность». Вологжане не гонятся за быстропроходящей модой, а бьющими в глаза эффектами, не выбирают пьесы по принципу режиссерского «самовыражения». Здесь говорят со зрителем от сердца к сердцу, серьезно, доверяя его уму, вкусу, такту, говорят устами

ной и нелепой, жалкой и трогательной в одно и то же время.

Героини М. Щуко не похожи друг на друга, и порой трудно поверить, что создала все эти образы одна актриса. И только в одном были они схожи: в своей внутренней молодости, кипучей энергии, жажде деятельности, даже если деятельность эта приобретала карикатурные, уродливые формы, как в «Госпоже министерше» Б. Нушича. Но разве же виновата Живка Попович, что прожила лучшие годы в нищете и пределе мечтаний считала казенный экипаж, в котором можно прокатиться по бульвару, чтобы весь город видел, каких высот она достигла? Ни с чем не сравнимая радость Живки — Щуко, которая вдруг улыбулось счастье, так неподдельно, так искренно, что невольно начинаешь сочувствовать даже самым нелепыми ее порывам, ибо за этой минутной радостью читаются слишком тяжелые годы лишений и нужды.

Означает ли все сказанное выше, что Вологодский театр не имеет недостатков, что все без исключения спектакли его безупречны и коллективу, собственно, не к чему уже стремиться? Разумеется, нет. Я старалась коснуться лишь основных тенденций в работе театра, представляющих мне принципиально важными, проговорила хотя бы кратко остановиться на определяющих его репертуарное направление работах.

А недостатки? Есть и они. Это и прорывающееся в отдельных актерских работах представительство, и не всегда точное, отвечающее авторской и режиссерской мысли оформления спектакля, порой, как это было в «Госпоже министерше», скорее соответствующее Островскому, чем Нушичу...

...В помещении, где проходили гастрольные Вологодского театра, была открыта продажа сувениров, в том числе прекрасных, неповторимых вологодских кружев, предмета мечтаний модниц всего мира. На стенде из гладкого черного бархата они выглядели особенно эффектно. Истинная красота не нуждается в пышном обрамлении, скорее наоборот, она терзается в ненужном мишурном блеске.

А разве не такова же природа искусства актера, ежевечерне ткущего невидимое кружево душевных нитей? И чем скромнее фон, тем отчетливее сложное плетение рисунка.

«Шел солдат с фронта». Соня — Б. ЧУМИЧЕВА, Семен Котко — В. ГОВАЛЛО. Фото А. БЕРТИКА

актера, признавая именно его первой и главной фигурой на театре.

Эта доверительная интонация особенно отчетливо звучит в спектакле «Хата с краю», тоже поставленном М. Юфой и оформленном В. Нестеровым.

Пьеса М. Сторожевой — о тех, на ком держится земля, о людях деревни. И в первую оче-